

Георгий Юров

Кассандра

16+

Георгий Юров

Кассандра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68053556

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта книга написана так давно, что мир, треснув напополам, успел разлететься на части, но мы, пребывая в счастливом неведении, тогда даже не подозревали о своём будущем. Но что было бы, знай мы? Что бы это смогло изменить? Вопрос о чём моя книга всякий раз ставит меня в тупик, ведь книга – это зеркало, в котором каждый видит своё отражение, видит себя таким, каким он не стал, или не видит вовсе, давно уже перестав отражаться. Пожалуй, она о месте медиума в современном мире. Что это – дар или проклятье? О лжепророках и пророчествах, о том как они подобно Матрице программируют человеческую жизнь. О мистике, с которой хоть раз в жизни сталкивался каждый. О тех, кто пытается заглянуть в потустороннее зазеркалье, и последствиях этого шага. Люди ждут света в конце тоннеля, но для кого-то свет так ярок, что он сгорает дотла. А мы, оставшиеся в живых, собираем пепел несчастного горстями, и кто-то подбрасывает его над собой, развевая по ветру, а кто-то хранит за стеклом в назидание потомкам.

Георгий Юров

Кассандра

История эта не выдумана мною, хотя то, о чём хочу рассказать, покажется небылицей, взятой со страниц бульварных романов. Из мыльных опер – бесконечных сериалов на разные темы, заполонивших телепрограмму, за просмотром которых проходит наше свободное время. Они засасывают трясиной огромного болота; стоит лишь немного войти во вкус и оторваться уже невозможно! Заслышав звуки саундтрека, мы бежим сломя голову, падая в любимое кресло, словно впадая в транс. Живём чужой жизнью, сопереживая главным героям – докторам, ментам, бандитам – забывая на время свои собственные трудности.

Жаль только, что всё произошло на моих глазах, я непосредственный участник событий и очевидец. Но всё по порядку.

***

Хотя рассказ мой и не обо мне, сказать о себе пару слов всё-таки нужно. Зовут меня Юрий Шуклин, родился я в начале семидесятых на Киевской Воскресенке. Где когда-то давно стояла Воскресенская слободка (территория внегородской черты, отдаваемая переселенцам на освоение), подаренная прежним владельцем, кошевым атаманом За-

порожского казачества Евстафием Дашкевичем Воскресенской церкви, что на Подоле. С тех пор много воды утекло, менялись хозяева деревушки и названия государств, в которой она находилась, пока в 1921 году Воскресенская слободка окончательно не вошла в киевскую городскую черту.

А после войны, с начала шестидесятых, на месте бывшей слободки начинается интенсивное жилое строительство. В те теперь уже далёкие годы, несмотря на высокие темпы восстановительных работ, тысячи семей продолжали жить в перенаселённых коммунальных квартирах, в сырых подвальных и полуподвальных помещениях, в покосившихся аварийных бараках из почерневшего дерева. Воскресенский массив – один из первых примеров перехода от разрозненного строительства к методу застройки целых микрорайонов панельными пятиэтажками. Сейчас «хрущёвки» стали символом бытового убожества, как «копейка» по сравнению с «Мерседесом», а тогда дома эти казались переселенцам с Подола и Печерска, выросших в каменных джунглях индустриального центра, вершиной уюта. С приднепровских озёр ветер приносил приятную свежесть, вместе с запахом донника и степных трав, там, где сейчас рынок «Юность» и Лесной массив ещё шумел сосновый бор, а на троещинских лугах паслись коровы. Но теперь всё изменилось и из окна своей квартиры вижу я не зелёный лес, а бетонную стену огромного дома.

Соседом моим по подъезду, да и, наверное, другом, несмотря на небольшую разницу в возрасте, был Саня Царь-

ков, почти двухметровый гигант, как и большинство крупных людей добрейшей души человек. В юности восходящая звезда хоккея, но автомобильная авария, после которой он три дня лежал в коме, поставила крест на большом спорте. Нет, Саша не сломался, не запил, не стал наркоманом, он по-прежнему поддерживал форму, но турниры ветеранов – и это в двадцать шесть! – оставались лишь слабым утешением. Через бывших коллег по сборной он плавно вошёл в челночный бизнес. «Марсы» со «Сникерсами», подгузники и «Кока-Кола». Вначале у него появилось пару палаток, затем несколько ларьков, потом сеть розничных магазинов. Сосед мой стал состоятельным человеком, миллионером не был, но жил безбедно, хотя приходилось ему несладко в бесконечных поездках за товаром, то в Москву, то в Польшу, то в Турцию. В выяснениях отношений с фискальными органами, бандюками, конкурентами. Его ларьки несколько раз горели, ему угрожали, и вроде бы даже готовилось убийство, по крайней мере, слухи об этом до него дошли.

«Заказала» его собственная жена, про покушение с Сашей мы не говорили, и я узнал о нём от посторонних людей. Не знаю, что двигало ею, месть (однолюбом приятель не был), корысть или что-то ещё, но она заплатила кавказцам пять тысяч долларов, пообещав после смерти мужа ещё столько же. На одной из переданных исполнителям фотографий мой товарищ был с набиравшим тогда силу криминальным «авторитетом», выходцем с нашего двора. Мы хорошо знали друг

друга с детства и в серьёз я его почему-то не воспринимал. Дружа с младшим сводным братом «авторитета», ныне покойного, я часто заходил к ним домой. Тот постоянно сидел за книжками, в дворовых сборищах не участвовал и производил впечатление полного «батана». С Саней они учились в параллельных классах и как-то сдружились, производя из себя странную парочку: один невысокий щуплый очкарик, второй настоящий гигант. После школы Саша быстрее встал на ноги, стряхнув с себя шелуху социалистического воспитания. Когда начинающий мафиозо всё ещё ездил на «Таврии», у приятеля была уже «Volvo»-940, его ждал миллионный контракт на поставку металла в Дамаск. Арматуру грузили в порту Севастополя и морем везли в Сирию.

Но вскоре всё изменилось; бывший «ботаник» забросив книжки и велосипедный спорт, которым серьёзно увлекался, всюду шёл по трупам к намеченной цели личного благополучия. Авторитет его тогда был огромен, а смешная фамилия олицетворяла полную безраздельную власть над полумиллионным районом. Не желая с ним ссориться, либо ища собственных выгод, «звери» передали «авторитету» полученный аванс с фотографиями, посоветовав несостоявшейся жертве быть более осмотрительным в выборе жены.

Не знаю, чем закончились разборки в Саниной семье, но развода не последовало. Приятель простил свою половину, а я ещё какое-то время на всякий случай ходил к ним со своим кофе, внимательно следя за руками его супруги. Дабы чего

не подсыпала.

Слава богу, всё обошлось. Сашина коммерция, не став бизнес империей, устаканилась до определенного уровня, дававшего достаточный для жизни доход. Он сделался солидным человеком, и звали его теперь по имени отчеству, но для меня он так и остался Саней. Челночные рейды канули в прошлое, больше не нужно было самому нестись к чёрту на кулички, и своё свободное время товарищ тратил на увлечение юности.

Параллельно жилому массиву, ближе к железной дороге и Русановским садам, лежит каскад из трёх озёр: Огурчика, Зеркалки и Радужного. На том, что ближе к нашему дому, Радужном, приятель любил зимой погонять в хоккей, для поддержания формы. У меня тоже были коньки с клюшкой, его подарок ко дню рождения, но хоккеист из меня, честно говоря, не ахти. Саша же не растратил старых навыков; с одинаковой скоростью он ездил и вперёд и назад, выписывая по ледяной глади круги и восьмёрки. Я же, неторопливо катался вдоль берега, с завистью глядя на Сашины выкрутасы. Нужно сказать, что в те времена середины девяностых Ледовых дворцов спорта в городе было только два – на Республиканском стадионе, да в парке Победы, причём лёд там стоил недёшево и выделяли его в очень неудобное время, например, в двенадцать ночи, а на нашем озере совершенно бесплатно происходили настоящие хоккейные рубки. Азарт был такой, что собиралось по пять команд и часами играли

на вылет. В зависимости от зим вода промерзала иногда сантиметров на сорок, такой лёд мог выдержать не только десять человек, а и гораздо более серьёзный вес. Ближе к берегу рыбаки рубили прямоугольную полынью длиной метра в два с половиной. Специальным сачком они собирали со дна ил, а потом выбирали из него мотыля. Наживку использовали на свои нужды, но в основном для продажи на Бухаре, знаменитом киевском рынке рыбацких принадлежностей.

И вот однажды, недели за две до двадцать третьего февраля (в этот день я родился), стоя у импровизированного бортика самодельной хоккейной коробки, я привычно наблюдал за матчем. Ещё не стемнело; было около четырёх дня, день тот оказался пасмурным, с утра шёл мелкий снег, к обеду он прекратился, но людей на озере кроме нас больше не было. Лишь вдалеке, ближе к гаражному кооперативу, шёл через озеро подросток. Не дойдя до берега с десятков метров, он вдруг ушёл под воду, провалившись в затянутую ледяной коркой и присыпанную снегом полынью. В этих коварных ловушках каждый год гибнут люди, но охотников за мотылём это не останавливает. Выбрав его в одном месте, спустя время они бьют прорубь в другом, нисколько не заботясь о последствиях.

Стоя ближе всех к месту трагедии, я рванул туда, на ходу расстёгивая сковывавший движения пуховик. Я едва пробежал половину из добрых пяти ста метров, когда мимо пронёсся, разрезая снег лезвиями коньков Саня; в считанные се-

кунды, домчавшись до барахтавшегося паренька, он выхватил его из воды и, обогнув коварную промоину остановился.

Испуганного мальчишку, лет десяти-двенадцати, оказавшегося смуглым вихрастым цыганчонком, растёрли водкой и, одев в огромный ему свитер спасителя, повезли на Сашиной машине домой.

– Мой папа – цыганский барон, – стуча зубами от холода и пережитого ужаса, сказал парень, указывая дорогу по линиям Русановских садов. Дом барона, ограждённый высоким каменным забором, занимал площадь нескольких участков. Снаружи он выглядел трёхэтажной серой коробкой с островерхими псевдо башенками по углам, делавшими его похожим на замок феодала, но внутри был отделан с изяществом, хотя в целом производил не очень благоприятное впечатление своей показной роскошью и безвкусицей. Впрочем, тогда в этом не было ничего удивительного, новоявленные нувориши, не отягчённые больше приснопамятной советской уравниловкой, выставляли напоказ своё богатство, стараясь перещеголять друг друга.

Гостиная, в которую нас пригласили, оказалась выдержана в тёмных тонах. Высокие панорамные окна по случаю наступившего вечера задёрнули плотными тёмными шторами. Четыре высокие витиеватой формы вазы того же цвета, по два на окно, стояли на полу как молчаливые мрачные стражи. Сейчас огромной плазмой на стене никого уже не удивить, но тогда я увидел такую воочию, пожалуй, впервые.

Кроме хозяина, в зале находилось ещё с десятков мужчин; одетые в яркие разноцветные рубашки они выглядели стаей попугаев нездешних широт. На каждом было не меньше полкило золота, исходя из суммарного веса толстенных цепей, браслетов, колец и печаток. То был цвет табора. Или что там осталось у них от минувшей эпохи? Женщин в доме я тогда не заметил. Насколько знаю о цыганской жизни, мужчины у них не работают. То есть не попрошайничают, прикидываясь юродивыми, смешно волоча ногу по вагону метро, не просят милостыни на паперти у Печерской Лавры и Владимирского собора, не гадают, не поют, не пляшут, развлекая ротозеев в проходных местах. Раньше мужчины-цыгане воровали коней, теперь же тянут всё, что плохо лежит. Заниматься «женской» работой уважающему себя цыгану непозволительно, и они слоняются целыми днями по округе, возложив заботу о пропитании на слабый пол. Когда в семье рома рождается девочка, это добрый знак, рождение же мальчика предвещает, может и не скорые, но обязательные хлопоты.

В память мою врезался навсегда безногий парнишка, танцевавший на руках под модную в излёт перестройки «Ламбаду». Зрелище было жутким и завораживающим одновременно своим сюрреализмом, словно взятым с полотен Дали. Выдержать его мог не каждый, по крайней мере, в первый раз. Утирая платком бегущие слёзы, женщины бросали в старую фетровую шляпу рубли и трёшки, торопливо уходя, словно стыдясь своей чувствительности. Безногий тан-

дор зарабатывал больше всех и пользовался среди соплеменников авторитетом. Его возили по вокзалу на грязной детской коляске; повзрослев слишком рано, он сделался строг и печален, редко улыбался, был раздражителен, покрикивая на свою прислугу. И лишь закидывая с азартом пятнадцатикопеечные монеты в прорезь игрового автомата, снова становился обычным мальчишкой, счастливо смеявшимся, когда фортуна ему улыбалась, и злившимся после проигрыша.

Вникнув в суть, барон не изменился в лице, быть может взгляд его карих пронизательных взгляд стал строже.

– Что ты хочешь за спасение Рубинчика? – с заметным акцентом, наконец, спросил он; имена у цыган были под стать их ярких нарядов. – Хочешь, бери деньги, хочешь, наркотики.

– Я ни в чём не нуждаюсь. Всё что мне нужно, у меня есть, – отказался Саша, не зная как объяснить отцу, что спасал он Рубинчика не за вознаграждение, а потому, что подругому не мог. Не было разницы кто его родители, состоятельные люди, или обычные работяги. Но для барона разница эта была, он тоже не мог просто сказать спасибо. Для приближённых этот человек являлся коронованной особой, и вести себя вынужден был соответствующим образом. Сняв с себя массивную золотую цепь, барон протянул её моему товарищу: – Тогда, держи на память.

Саня лишь отрицательно покачал головой, с вымученной улыбкой взглянув на меня, словно я мог подтвердить барону,

что мзду он действительно не берёт, а потом сказал то, что я запомнил на всю свою жизнь: – Золото тоже не возьму. Ты знаешь, в жизни я совершил немало дурных поступков, наверное, пришло время сделать хоть что-то хорошее.

Барон молчал, принимая решение, почтительно безмолвствовала его свита, лишь где-то в недрах огромного дома механически отбивал счёт секундам маятник напольных часов. Жилище подавляло своим размером и пустотой; казалось, то злобное кровожадное существо заканчивает отсчёт, собираясь на поиски жертвы. «Раз, два, три, четыре, пять – я иду тебя искать».

– Хорошо, – наконец кивнул своим мыслям барон, поднимаясь с дивана. – Но без подарка я вас не отпущу. Ты спас моего сына и теперь я хочу сделать в ответ что-то стоящее. Есть у нас одна цыганка, древняя старуха. Сама из дома давно не выходит, пусть она тебя посмотрит. Лады?

– Лады, – усмехнулся товарищ, тоже вставая со своего места. Даже сидя он был не намного ниже невысокого властителя цыганского табора. – Гадать будет?

– Нет. Зачем ей гадать? Она и так всё знает.

***

В пророчества Саша не верил и согласился лишь для того, чтобы не обидеть хозяина, понимая, что просто так тот от него не отстанет. В выбранный день мы ехали на неновом, но всё ещё солидном «шестисотом» «Мерсе» барона к гадалке, жившей на другом конце города, в частном секторе Петро-

павловской Борщаговки.

Как я узнал за это время, первичный капитал отец спасённого мальчика заработал не на наркотиках, воровстве, проституции, а на обычных крышках для консервации. Скооперировавшись в перестроечные времена с директором небольшого заводика на периферии, предприимчивый цыган организовал работу в две смены. Днём предприятие изготавливало обычную продукцию, а ночью дефицитные тогда крышки. Сотни ромов реализовывали их в поездах, электричках, на вокзалах, рынках, других людных местах огромной страны. Привыкшие всё «доставать» из-под полы советские граждане охотно брали эту продукцию, и в сезон, и про запас, наполняя бюджет барона своими деньгами, так же, как десятки маленьких ручейков питают собой бездонное озеро.

Без воровства, впрочем, тоже не обошлось. В каждом городе кроме станции пассажирской есть ещё и так называемые отстойники, где вагоны со всевозможным товаром ждут своей очереди для сортировки и отправки в пункт назначения. Вот эти-то отстойники и грабили цыгане; высмотрев заранее расположение вагонов, охраны, путей отступления они стремительно подлетали на нескольких мотоциклах с коляской. В считанные секунды срывались пломбы с вагонов и так же быстро ватаги смуглых людей перегружали к себе всё, что могли увести.

Дом пророчицы выглядел-бы обычной хибарой, хоть и оборудованной новомодными дорогими примочками, вроде

металлопластиковых окон, железной двери, спутниковой антенны, если б не высокий добротный забор, надёжно скрывавший от посторонних глаз происходящие и обилие ковров во дворе. Весь двор был застелен ими; ковры лежали на земле и висели с тыльной стороны забора, придавая этому месту необычный вид, словно задавая тон фантасмагории.

Внутри барона тепло приветствовали два крепких молодых рома, но без особой заискивающей почтительности. Видимо та, кому они служили, представлялась им более значимой. Пройдя коротким лабиринтом коридоров и смежных комнат, наша процессия остановилась у выкрашенных в белый цвет деревянных дверей. Негромко постучав один из провожатых заглянул внутрь и что-то сказав на своём языке, отошёл в сторону.

Цыгане остались снаружи, а в большую причудливо обставленную залу зашли только мы с Сашей. Комната, как и весь этот дом (кроме, пожалуй, дверей), была выкрашена в безрадостный тёмно-серый цвет. Серые тяжёлые портьеры закрывали окна, свет зимнего солнца с трудом протискивался сквозь узкую щель между ними. Как и в резиденции барона, здесь стояли четыре огромных псевдо китайских вазы в человеческий рост, но не у окон, а по углам. На стенах висели аляповатые натюрморты, выглядевшие обычным ширпотребом с Андреевского спуска. Кроме кресла с диваном, обтянутых серым велюром, и журнального столика между ними другой мебели в шаманской обители не наблюдалось. Види-

мо, то была главная зала, в которой старуха принимала клиентов. Сама она хоть и выглядела живописно, согласно законам оккультного жанра, но казалась мало реальной, сродни ещё одной китайской вазе.

На вид в ней было под двести килограмм. Когда-то, то была высокая женщина, сейчас же став древней старухой, превратилась в некое подобие пирамиды из жира, ниспадавшего огромными складками к основанию кресла, в которое она с трудом поместилась. В тусклом свете люминесцентной лампы кожа гадалки выглядела такой же серой и не живой, как и стены её кабинета. Слово выцветшие глаза ничего не выражали; она жила слишком долго, так давно что вполне могла помнить исход цыган из Индии. По крайней мере, настолько она тянула, а в той искусно созданной ею атмосфере присутствия чего-то потустороннего, это больше не казалось чем-то из ряда вон. Для пущего эффекта, на шее вещуньи висел целый ворох ниточек и цепочек, на которых красовалась всякая всячина, вроде птичьего пёрышка и золотого колечка. Вот только крестика в нём я не заметил. Видимо свои силы, женщина черпала из другого источника.

Провидица молча разглядывала Сашу ничего не выражающим взором, и от него мне сделалось не по себе. Взгляд её не был тёплым, как не было в нём какой-то вражды или неприязни – он был абсолютно нейтрален. Старуха смотрела как-то сквозь моего друга, на единое целое своих колдовских атрибутов, словно рентген считывая информацию. Без

разбора, не отсеивая ничего, не откладывая нужные файлы – гадалка явно обладала какими-то магическими способностями и сейчас она знала про посетителя решительно всё, от колыбели до могилы. Во всяком случае, тогда я мог в этом поклясться. А потом пророчица начала говорить.

Монотонным, ничего не выражающим голосом цыганка рассказывала о Сашиной жизни. Когда родился, где учился, увлечении спортом, его челночном бизнесе, аварии, коме, упомянула и о готовившемся покушении. Пока она вещала о том, что не являлось секретом, и было известно половине Воскресенки. Приятель лишь скептически ухмылялся, решив, будто я натрепался о нём барону, а тот передал гадалке. Женщина замолчала, всё так же, словно сквозь, глядя на товарища, а затем мы услышали такие детали из Сашиной биографии, про которые я даже не подозревал, да и сам он, похоже, не охотно вспомнил о них.

Приятель подавлено безмолвствовал, пытаюсь осмыслить и как-то логически объяснить произошедшее – утечка информации была исключена. Вероятно, лёгкая паника отразилась в его облике, да я и сам бы, пожалуй, запаниковал, столкнувшись с тем, что невозможно понять и потому пугающим. Тогда же твёрдо решил отказаться от цыганского «рентгена». Пусть я неизлечимо болен, пусть даже через несколько дней меня собьёт машина, укусит ядовитая змея, ударит молния или случится что-то ещё вроде этого, но лучше умереть в счастливом неведении, наивно полагая, что у

тебя всё впереди, чем узнать это сейчас из уст равнодушного чудовища.

В выражении лица гадалки не появилось ни торжества, ни самодовольства, для неё это была обычная рутина, лишь губы её сложились на миг в тонкую линию, что символизировало, вероятно, надменную улыбку. Люди менялись; одни уходили окрылённые надеждой, другие убитые горем, а она оставалась, с кучей своих проблем и, в общем-то, не нужным ей даром. Знать всё про всех и про себя, день и час собственной кончины и смерти своих близких. Знать и быть не в силах что-то изменить – просто ждать тот день, срывая листки календаря. Что может быть хуже этого?

– Возможно, Вы знаете, и когда я умру? – через силу улыбнувшись, задал новый вопрос Саша, не потому что так уж хотел знать, а, наверное, дабы показать старухе что всерьёз он её пророчества не воспринимает.

– Знаю, – ответила та, слегка склонив голову, с уложенными в замысловатую фигуру редкими космами белых как снег седых волос. – Вообще-то я такое не говорю, но за тебя просили, – тут она сделала многозначительную паузу, давая визави время оценить это и возможно, сделать правильный выбор.

– И когда? – сглотнув, спросил Саня, идя ва-банк. Я неодобрительно взглянул на него, пытаюсь предостеречь, но, не обращая на меня внимания приятель, с остатками медленно покидавшей его улыбки ждал ответа. Надеюсь услы-

шать, что умрёт он в глубокой старости, окружённый плачущим многочисленным семейством, на худой конец, нечто абстрактное, вроде ахинеи про встречу с червонной дамой и угрозу от пикового короля, но вещунья оказалась на удивление конкретной и много времени ему не отвела:

– Ты умрёшь в тридцать два года, – произнесла гадалка всё с тем же непроницаемым выражением, но маска её дрогнула на секунду, впервые за время разговора и я явственно расслышал в голосе нотки сочувствия. Вердикт был окончательным и обжалованию не подлежал. – А ты, – повернувшись ко мне, вдруг спросила она, – что-то знать про себя хочешь?

Поспешно отведя глаза, не желая, чтоб эта чертовка копалась в моей душе, я отрицательно замотал головой. Не то что разговаривать со старой ведьмой, а даже находиться с ней в одной комнате мне больше не хотелось.

***

Чем дальше мы отъезжали от дома цыганки, тем сильнее сглаживалось впечатление. Чары, которые она на нас напустила, таяли, старуха больше не казалось такой всезнающей, а слова её смертным приговором.

– Ну что ты думаешь? – спросил меня Саша, когда распрощавшись с бароном, мы шли к нашему дому.

– Ты знаешь, не всё так плохо, есть и хорошая новость, – бодро ответил я и продолжил, видя недоумённый взгляд приятеля: – Шесть ближайших лет с тобой точно ничего не

случиться. Можно заплывать за буйки и переходить улицу на красный свет. Или сапёром ехать в Югославию. Мне знакомый недавно предлагал, двушку «зелени» в месяц платят.

– А если серьёзно?

– А если серьёзно..., – повторил я, пряча вернувшийся ко мне мой здоровый цинизм. – Да пошла она, эта старуха Изергиль! Тоже мне, провидица. Нет, я ничего не говорю, талантливая бабулька. Такого гипноза напустила, что когда я ей в глаза глянул, у меня коленки затряслись. Умеет лохов разводить. Скажет теперь что на тебе заклятье страшной силы, а что бы снять его, нужно дать денег. Вот посмотришь, так и будет! Только Саня, мы же не лохи. Забудь и не вспоминай. Мы на твоё тридцати пятилетие ещё посмеёмся над этим приколом.

Приятель приободрился, видно слова мои были созвучны с его собственными мыслями, но потом всё же попросил: – Слушай, ты только про это никому не говори.

– Про что? – картинно удивился я.

– Ну, про пророчество.

– Ты что, шутишь? Да я уже забыл! И ты забудь.

Гадалка денег за снятие порчи не требовала (как я в тайне надеялся), да и барон вёл себя так, будто ничего не случилось. Может действительно был не в курсе. Время шло. Его проходило всё больше с того злополучного дня и я стал замечать за приятелем некоторые странности в поведении. Пока он был трезв, всё шло нормально. Но только стоило ему под-

дать рюмку другую, во взгляде его появлялась обречённость, а разговоры исподволь наводились на тему «жизни после меня». С помпой мы отпраздновали его тридцатилетие; Саня не жалел денег, водка текла рекой, а столы ломились от яств. Хотя дела его шли не слишком успешно. Такой расточительности было только одно объяснение: в приятеле поселилась уверенность, что через два года его не будет. Он мог завалиться ко мне с целою купою денег, полученных за только что проданный автомобиль – одного джипа ему вполне достаточно. Я собирал вещи, и мы уезжали на неделю отдыхать в Крым или Одессу. Года за два до визита к цыганке Саша загорелся цветами. Взял землю в аренду, построил теплицы, нанял специалистов и занялся выращиванием роз. Дело это было хлопотным и кропотливым, розы, как капризные дети, плохо росли и много болели, но, несмотря на нервотрёпку с выращиванием и сбытом давали хороший доход. А тут вдруг Саша эти теплицы продал.

– Старик, мне предложили нормальное «лаве», и я согласился, – говорил он мне, когда мы с ним летели в Хургаду; горящие путёвки оплачивал он. – Да, розы это класс, как говорится живые деньги, но ты знаешь, когда я продал эти грёбаные теплицы, то словно тонну груза с плеч сбросил. Такой с ними головняк был, пусть теперь у других голова болит по этому поводу.

Чем меньше времени оставалось до обозначенного вещу- ный срока, тем чаще, длительнее и разухабистей станови-

лись Сашины загулы. Гуляй, купечество! И без того не слишком крупный бизнес уменьшился до прожиточного минимума. Во времена просветлений он заключал контракты, выполнял данные обязательства, прокручивал сделки, а потом словно вспомнив о несчастливом пророчестве, вновь пускался во все тяжкие. Заработанные или полученные от продажи своего имущества средства приятель не вкладывал в новые проекты, а либо тратил, либо давал в долг многочисленным друзьям, да и просто малознакомым людям. Под минимальный процент, а то вообще без всякого навару, под расписку и под честное слово, говоря: – Бери. Тебе они нужнее.

За срок прошедший после знакомства с бароном, моя жизнь претерпела кардинальные изменения. Холостяцкой разгульной жизни пришёл конец. Я женился, а спустя полтора года стал отцом семейства, главой маленькой ячейки общества, с трудом справляясь с взятой на себя ролью. С моими родителями супруга не смогла найти общий язык, а у тётки в однокомнатной «хрущёвке» четверым жить было просто негде. Пришлось снимать квартиру, тут же на Воскресенке, за квартал от моего дома. Время от времени наши родители брали ребёнка к себе, но постоянно нянчится с ним, они не могли и не хотели. Мама жены заявила нам без обиняков: «Я ещё слишком молода, чтобы хоронить свою личную жизнь». А поскольку мы оба работали, пришлось нанимать нянечку. Расходы нарастали снежной лавиной, угрожая погребсти меня под собой. Утром я шёл на работу, вечером

домой; с трудом мне удавалось выкроить время на спортзал, ещё реже на баню. Я ощущал себя белкой в колесе, опасаясь, что скоро стану загнанной лошадью.

С Саней мы не то чтобы разошлись, но созванивались не часто, а виделись лишь изредка. Я был на его тридцатилетии, а потом, уже с супругой, и на критической дате в тридцать два года. В тот день Саша напился до беспамьяства, чего с ним обычно не случалось. Толи на радостях что ничего страшного в этот день не произошло, толи, поминая самого себя, по случаю предчувствия неизбежного.

А однажды придя с работы, я устало ужинал разогретым в микроволновке борщом под невнятное бормотание телевизора. Почти на каждом канале, в разное время идут криминальные новости. С азартом в глазах ведущий смакует события, упиваясь деталями. И некуда деться от искорёженных в ДТП машин, нафаршированных человеческим мясом. От замёрзших в лютую стужу бомжей, по числу смертей которых мы впереди планеты всей, но первенство это совсем не радует наших власть имущих. От сведших счёты с жизнью от неразделённой любви или разочарованных судьбой людей. От жертв сексуальных маньяков, психически больных ублюдков и уличной преступности. Сегодня снова кого-то зарезали, на Саксаганского. Поднимая носилки с трупом, санитары случайно сдвинули окровавленную простыню, и я узнал под нею... Саню! Я видел его лишь мгновение, снятого в плохом ракурсе любительской камерой и скорее

всего, ошибся. Чёртовое предсказание давило на мою психику, играя воображением. Я мог и дальше уговаривать себя, что ничего дурного с приятелем не случилось, если бы не твёрдая уверенность, что там под простынёй, мой друг Саня.

***

Барон всё же помог ему, пусть не живому, так мёртвому. Поминки в кафе, венки и рытьё могилы оплатили Сашины родители, а тёмно красный лакированный гроб и дорогушее место на Лесном кладбище дал отец спасённого им ребёнка. На Лесном не хоронят уже лет пятнадцать, но умерших постоянно подхоранивают к родственникам, в этом бескрайнем городе мёртвых. Саше же выделили отдельное место, на выкупленном бароном для себя, своих родственников и приближённых огромном по кладбищенским понятиям участке сразу у центрального входа. После заключения сделки разразился ужасный скандал, директора кладбища выгнали с работы, но договор обратной силы уже не имел.

Саню хоронили в стороне от цыганских склепов и шикарных надгробий, в полный рост из мрамора и гранита. Его зарезали за две тысячи гривен, когда-то данных им в долг. Должник не собирался никого убивать, а сгоряча махнул ножом, задев артерию. По крайней мере, так он объяснял на суде. Рана была не смертельной, Саша вначале сам пытался оказать себе помощь, потом вызвал скорую по 03, но к тому времени, когда врачи приехали, он уже истёк кровью. В центре города, среди белого дня.

Глядя как гроб опускается в чрево могилы, я думал, могло ли быть всё иначе? Если б цыганка не сказала, что он умрёт через шесть лет, стал бы он думать о своей скорой смерти? Начал бы вести себя, словно приговорённый? Бес толково тратить деньги, давать в долг людям, которым возвращать их было нечем. Наверное, нет. Была ли его гибель predetermined и неизбежна или являлась роковой случайностью, фатальным стечением обстоятельств? Этого уже не узнать. Во всяком случае, я понял тогда одно: лучше не заглядывать в бездну, ведь бездна в ответ может взглянуть на тебя.

Апрель 2013

г. Моршин